

Внезапно Цзян Ян снова посмотрел на своего брата. Он был не очень красив, но его спина была прямой, как стрела.

— Брат, подождём здесь, пока снова не стемнеет, а потом я отведу тебя обратно в Цзянцзинь.

Цзян Ян потрогал свой живот. Он был очень голоден.

Но он молчал, считая, что Цзян Шэн не сможет достать еду.

Повинуясь какому-то странному побуждению, в сердце Цзян Яна зародилась странная мысль: раз этот брат сможет вернуть его в Цзянцзинь, значит, у него есть способ.

Цзян Ян молчал, но Цзян Шэн заговорил, спросив:

— Брат, ты голоден?

Цзян Ян с недовольством посмотрел на него:

— А как ты думаешь?

— Тогда я поищу что-нибудь поесть.

— Не стоит. Посмотри вокруг — ни одного дома, только этот стоит. Где ты найдёшь еду!

Слова Цзян Яна были разумны, но в этот момент Цзян Шэн был просто волшебником.

— У меня есть способ.

Цзян Шэн действительно знал, что делать. Он умел ловить рыбу.

Без удочки и сетей он снял одежду и вошёл в реку.

Вода была ледяной, но Цзян Шэн уже привык к этому ощущению. В воде он плавал, словно проворная выдра.

Цзян Ян смотрел, как Цзян Шэн нырнул и не появлялся несколько минут. Он вдруг испугался, испугался, что этот сводный брат утонет.

Опасения Цзян Яна были напрасны. Цзян Шэн высунул голову из воды и глубоко вдохнул. Только тогда Цзян Ян понял, что его сводный брат действительно не умер.

Цзян Шэн лишь на несколько секунд высунул голову из воды, чтобы вдохнуть, а затем снова нырнул.

Повторив это несколько раз, Цзян Шэн наконец вылез из реки.

— Я не поймал рыбу, но посмотри, брат.

В воде он видел несколько крупных рыб, но большинство из них были в глубокой части, что было опасно.

Цзян Шэн поднял руку, в которой держал двух крабов с большими клешнями.

Цзян Ян не любил есть крабов, тем более он никогда не ел живых, сырых крабов, у которых панцирь ещё не покраснел.

Цзян Шэн уже оделся, сел у реки, отломил одну большую клешню и протянул её Цзян Яну.

Цзян Ян сморщился, глядя на «монстра», который ему протягивали, и не решался его есть.

Цзян Шэн быстро заметил, что брату некомфортно, взял одну клешню, положил в рот и с хрустом откусил.

Увидев, что Цзян Шэн тоже ест, Цзян Ян подумал, что сырое крабовое мясо, вероятно, не ядовито, плюс он был очень голоден, и тоже, как Цзян Шэн, откусил. Неожиданно вкус сырого крабового мяса оказался очень хорошим, солоноватым, с особым привкусом.

Однако всё это можно было считать лишь небольшой закуской, которая никак не могла по-настоящему утолить голод.

— Я больше не буду.

Цзян Ян, съев все ноги краба, отказался от его тела.

Цзян Шэн, видя, что брат так себя ведёт, не стал настаивать, а просто отдал ему свои недоеденные ноги.

— Брат, ешь эти, а я съем тело краба.

Улыбка Цзян Шэна была очень яркой, с двумя маленькими ямочками. Цзян Ян вдруг обнаружил, что этот брат... возможно, не такой уж плохой человек.

Когда они расправились с крабами, Цзян Шэн поднял Цзян Яна, и им снова пришлось идти.

Наконец, Цзян Шэн на мгновение задержал взгляд на этом месте. Его взгляд был очень нежным, очень нежным.

Он не знал, что это будет последний раз в его жизни, когда он смотрит на это место.

Цзян Шэн и Цзян Ян снова отправились в путь. На этот раз Цзян Шэн не выбрал обратную дорогу, а пошёл вдоль берега реки.

Этот путь действительно был безопаснее.

Но Цзян Шэн выбрал его больше из-за своих чувств к воде. Он с детства родился у воды, и вода стала частью его души.

Цзян Шэн знал, что и он, и брат не в лучшем состоянии. Они давно не ели, только что съеденные крабы совсем не утолили голод, к тому же они очень устали и недосыпали.

По пути Цзян Шэн не только спешил, но, наоборот, обращал внимание на всё съедобное у реки. Мелкие дикие ягоды или фрукты с полей местных крестьян или помещиков.

По пути Цзян Шэн «взял» много фруктов, большинство из которых были выращены людьми, дикие ягоды составляли лишь очень и очень малую часть.

Цзян Шэн не любил воровать, но когда дело касалось жизни, он считал, что воровство не стыдно. В конце концов, жизнь важнее всего.

— Брат, ты любишь мандарины? — спросил Цзян Шэн Цзян Яна.

Цзян Ян кивнул:

— Очень люблю.

— Я сорву тебе несколько.

Это мандариновое дерево было большим, с множеством ветвей, и одна ветка, полная мандаринов, свисала очень низко. Цзян Шэн, стоя под мандариновым деревом, даже не взбираясь на него, сорвал несколько мандаринов.

Эти мандарины были посажены местными крестьянами, но если никто не видел, сорвать несколько не было проблемой.

Цзян Шэн осторожно положил мандарины в руки Цзян Яна и подарил ему большую улыбку.

Цзян Ян, принимая мандарины, искоса взглянул на Цзян Шэна. В этом взгляде не было обычного раздражения, а было что-то ещё.

Что именно, Цзян Шэн не разобрал, ведь взгляд длился слишком мало, слишком мало.

Но Цзян Шэн заметил, что отношение Цзян Яна к нему явно улучшилось.

Это невероятно обрадовало Цзян Шэна, но он не осмелился слишком явно проявлять эту радость. Он боялся, что эта радость окажется миражом.

Брат действительно стал к нему хорошо относиться.

Люди, посланные Цзян Чжунюнем, так и не нашли двух молодых господ.

Цзян Чжунюнь тоже смутно чувствовал, что его два сына, возможно, не выжили. Они были слишком малы, ещё не выросли до возраста, когда можно свободно летать. Поэтому Цзян Чжунюнь тоже долгое время не спал.

Он отправил всех домочадцев на поиски следов Цзян Яна и Цзян Шэна.

Цзян Чжунюнь не осмелился позвонить старому господину Цю. Он хотел сообщить старому господину Цю, когда найдёт тела двух сыновей. Потому что в сердце Цзян Чжунюня всё ещё оставалась надежда, хотя он знал, что его надежда, скорее всего, не сбудется.

— Отец.

Цзян Чжунюню показалось, что у него начались слуховые галлюцинации, он даже вообразил голос Цзян Шэна.

— Отец, мы с братом вернулись!

Цзян Шэн, держа за руку Цзян Яна, распахнул дверь, и только тогда Цзян Чжунюнь резко осознал, что его два сына действительно вернулись.

В этом доме Цзянов сейчас был только Цзян Чжунюнь, все остальные были отправлены им на поиски двух молодых господ, поэтому, когда Цзян Шэн и Цзян Ян вернулись, такое важное событие никто не сообщил Цзян Чжунюню.

Цзян Чжунюнь подбежал к двум сыновьям, обнял этих вернувшихся сыновей:

— Возвращение — это хорошо, возвращение — это хорошо!

Говоря это, он тоже покраснел.

Отношения между Цзян Яном и Цзян Шэном полностью наладились.

После этих событий Цзян Ян больше не смотрел на Цзян Шэна с неприязнью, и между ними начало появляться что-то похожее на братские чувства.

Более того, статус Цзян Шэна во всей семье Цзянов явно вырос. Теперь его никто не называл «молодым господином Шэном», он стал «старшим молодым господином», а Цзян Ян стал «вторым молодым господином».

Цзян Шэн начал каждый день искать своего младшего брата, чтобы поиграть с ним. Надо сказать, что Цзян Ян действительно сильно изменил своё отношение к Цзян Шэну, и очень часто два брата были счастливы и гармоничны.

— Брат, это подарок для тебя.

Цзян Шэн достал из шкафа что-то и протянул Цзян Яну.

Цзян Ян взял, открыл коробку и посмотрел:

— Конфеты?

Сейчас Цзян Ян уже не испытывал неприязни к Цзян Шэну, и более того, постепенно у него появилось чувство вины перед Цзян Шэном. Этот человек действительно хорошо к нему относился.

— Я собирал их месяц, брат, посмотри, здесь есть все вкусы.

На самом деле, сейчас Цзян Ян, помимо любви к театру, любил ещё и есть конфеты, но Цзян Чжунюнь, беспокоясь о его зубах, категорически запрещал ему это.

— Брат, не ешь слишком много, по одной в день хорошо.

Цзян Ян посмотрел на Цзян Шэна:

— Хорошо, я не буду есть много.

На самом деле, на тот момент чувства Цзян Яна к Цзян Шэну всё ещё были очень противоречивы. Он уже достиг возраста, когда понимает вещи. Он знал, что Цзян Шэн спас его, и он всегда был добрым человеком, но он просто не называл Цзян Шэна братом, ни разу.

<http://bllate.org/book/16249/1461298>